

Печальный вундеркинд из Пармы

Елена ШИРОЯН

Пушкинский музей совместно с Эрмитажем открыл в Москве выставку «Пармиджанино в веках и искусствах». И запоздало отметил 500-летие художника, проходящего по разряду гениев. Правда, легендарный живописец представлен лишь графикой – рисунками и офортами. В общей сложности примерно 80 листов, включая совсем крохотные, с ладошку, карандашные наброски. Ни одной из сотни картин Пармиджанино в России нет, как нет их и в экспозиции. Что, разумеется, нисколько не умаляет ее достоинств, но заставляет нас вновь ощутить себя медвежьем углом на задворках Европы...

«Пармская обитель» и сыр пармезан – вот, пожалуй, то немногое, с чем ассоциируется у нас небольшой город в Северной Италии, в средние века переживший эру могущества и набегу соседей-завоевателей, а после падения Наполеона отданный в управление его супруге-австриячке Марии-Луизе. Особо эрудированные книгогои и гурманы припомнят новеллу М. Горького «Дети Пармы» и пармскую ветчину «со слезой». Ни романо-готическая архитектура города, ни украшающие ее рельефы и фрески, в том числе написанные Корреджо, ни Театр Фарнезе нам практически неизвестны. Как не на слуху имя самого блистательного уроженца Пармы – Франческо Маццоло, в чьем прозвище Пармиджанино (Малыш из Пармы, Маленький пармезанец) имя города соединилось с трепетно-нежным и восторженным отношением к художнику, прожившему, подобно Рафаэлю или Пушкину, только 37 лет. Когда он родился, в 1503 году, Дионисий расписывал собор Рождества Богородицы в Феррартове, а Микеланджело завершал своего «Давида». Кстати, недавно оба эти шедевра удостоились юбилейных празднеств, равно как живописец, рисовавший и офортист из Пармы, одержимый бесконечной погоней за идеалом утонченной красоты: его 500-летие отмечали ведущие музеи Европы и Америки. Эрмитаж не участвовал в этих торжествах, но устроил у себя выставку, присовокупив к своей коллекции графики несколько подлинных рисунков из ГМИИ им. Пушкина. Московский же показ объявлен вкладом в мировую музыкальную жизнь – ее приурочили к открытию после реконструкции театра «Ла Скала» (7 декабря). Однако простому россиянину так же непросто побывать в прославленной опере в Милане, как увидеть картины и фрески Пармиджанино – для этого нужно

отправиться если не в Парму, так во Флоренцию, Лондон или Вену.

В год смерти Пармиджанино, 1540-й, неистовый флорентинец работал над фреской «Страшный суд» в Сикстинской капелле.

Между этими датами уместилась жизнь мистика и интеллектуала, который всего 7 лет провел за пределами родного города, но стал легендой уже при жизни, восхищая современников, и служил примером для подражания художникам всей Европы после своей безвременной смерти (которую тем не менее предчувствовал, оставив завещание похоронить себя обнаженным, как Христос в его композиции «Оплакивание», лишь с кипарисовым крестом на груди).

Проживший свой недолгий век под сенью титанов итальянского Ренессанса – Леонардо, Микеланджело, Рафаэль, – Пармиджанино занял собственную нишу в ярком и разноплановом художественном процессе XVI века: основал новое направление – маньеризм. Во всех его картинах образы непостижимо прекрасные, монументальные и хрупкие одновременно, грациозные и одухотворенные, словно озаряющие нас сиянием перед неуклонно близящимся концом света... Это драматическое мироощущение можно уловить даже в юношеском «Автопортрете в круглом зеркале» – но ни его, ни других портретов на выставке нет, а отдаленное представление о живописи ее героя можно составить лишь по черно-белому каталогу выставки:

снабженный великолепными текстами куратора проекта Аркадия Ипполитова, он выпущен тиражом в тысячу экземпляров, из коих до Москвы доведены два-три десятка...

Слава не запоздала к рано осиротевшему сыну пармской знаменитости – живописца Филиппо Маццоло. Уже в 16 лет Франческо создает большой алтарный образ «Крещение», загадочным образом выявляя близость к школе Леонардо, в двенадцать – на равных с Корреджо пишет фрески в церкви Сан-Джованни Эвангелиста (она и по сей день числится достопримечательностью Пармы) и делает росписи в Фонтанеллато – замке графа Галеаццо Сан-Витале. А в 20 лет, еще без своего прозвища, под надзором дяди-художника, осознающего масштаб таланта воспитанника, приезжает в Рим, где получает аудиенцию у Папы, знакомится с модным литератором Пьетро Аретино, сближается с «бандой Рафаэля» и пишет алтарную картину «Видение св. Иеронима», а также несколько камерных композиций с изображением Мадонны и множество портретов. Три года в Вечном городе для юного дарования – это скорее причащение к великой традиции. И время учебы, в том числе новой технике офорта – в ней пармезанец достигнет таких высот, что впоследствии ему припишут и заслугу изобретения этого вида гравюры, который на самом деле придумал Дюрер.

Разгром Рима 1527 года Карлом V Габсбургим изгнал прочь многих, и Пармиджанино бежит в Болонью. Он едва не погиб во время Sacco di Roma – захвата Рима войсками немецкого императора, но вот что гласит легенда: варвары-ландскнехты, ворвавшиеся в мастерскую, где 24-летний живописец работал над своим Иеронимом у ног Мадонны, «облеченной Солнцем», застыли в изумлении перед картиной неземной красоты, а потом удалились, не причинив Франческо вреда и даже снабдив его охранными грамотами.

В тихой Болонье – «второй столице» Папской области – Пармиджанино занял место первого художника. За четыре года написаны «Обращение Савла», «Мадонна со св. Маргаритой» и еще вереница образов, разошедшихся позднее по лучшим музеям Европы, включая образец придворного маньеризма – полную эротизма «Мадонну с розой». Независимый по духу, предвещающий появление художников новой формации – романтиков и импрессионистов, пармезанец предпочитает работу «для себя», а не на заказ. Вскоре он будет подхвачен французской школой Фонтенбло, а за картинами и рисунками пармезанца начнут охотиться царственные коллекционеры

всей Европы: Рудольф II, чей двор в Праге был средоточием маньеристов и алхимиков, герцоги Медичи, Карл I Английский, Людовики XIV и XV... В Болонье художник активно делает офорты, дабы удовлетворить внезапно вспыхнувший спрос на свои рисунки: печатная графика позволяла тиражировать быстрые, виртуозные наброски. Поэтические «Пастушок» и «Любовная пара», мистическое «Воскресение» и полное масонских аллюзий «Исцеление св. Петром и св. Иоанном паралитика», загадочный по сюжету лист «Два старца и сидящий юноша», меланхолические «Таис» и «Урания» – на выставке. В центре ее рисунки и офорты самого Пармиджанино: неразрывно связанные с живописью, они точно передают его нервную, экспрессивную манеру, с резкими, разнонаправленными штрихами, причудливо и напряженно изогнувшимися фигурами, контрастами света и тени, но мало дают представления о картинах, почитавшихся образцом чудесного сияния красок и гармонической композиции.

Последнее десятилетие художник провел в родном городе. Поначалу заваленный заказами, он позже подвергся судебному преследованию: исполнить договоры на большие алтарные картины и роспись церкви помещали то ли меланхолия, сквозящая в предсмертном автопортрете, то ли творческий кризис в преддверии новых открытий. Но только не лень – тогда же созданы три безусловных шедевра, квинтэссенция маньеризма: «Амур, строгая луна», «Антея» и «Мадонна с длинной шей» – мистическое видение небесной красоты, напоенной печалью, где младенец Христос не мирно спит на коленях матери, но скорее напоминает мертвое тело из композиции «Пета»... На выставке мы видим ее бледное подобие в упрощенном переосмыслении художником XVIII века.

Сегодня историки искусства всерьез рассматривают захватившее художника увлечение алхимией: с ней связывают и особый характер образов Пармиджанино, и его вечное недовольство собой, превратившее недавнего денди, баловня судьбы в аскета и отшельника. Грубая действительность сломила тонкого и хрупкого по своей душевной организации мастера – его унизила и травмировала судебная тяжба вместо великих свершений. Уже в обители Казальмаджоре, за пределами Пармской области, где он нашел прибежище и похоронен, странный затворник прощается с реальным миром своей последней картиной – насыщенным сиянием, подобно огню в горне алхимика, алтарным образом «Мадонна со св. Стефаном и Иоанном Крестителем».